

Н.А. Тадина

Алтайцы: между «севером» и «югом» (к проблеме внутриэтнического общения)

В Республике Алтай актуальной остается проблема деления алтайцев на ряд «этносов»: кумандинцев, челканцев, тубаларов, теленгитов и внесение их в 2000 г. постановлением Правительства РФ в список малочисленных народов Севера и Сибири. В последнее время этнографические (этнологические) знания становятся все более важными для верного понимания особенностей развития этноса. Выходят публикации, авторы которых стараются обосновать новый статус этнотерриториальных групп алтайцев. Одним из ярких примеров является монографический труд «Тюркские народы Сибири», в котором каждый «новый этнос» описан отдельно, а кумандинцы даже вынесены из списка алтайцев [1, с. 324–533]. Такое деление возникло не случайно и вызывает разные мнения, так как оно имеет под собой весомые основания. В нем отразилась не только социально-экономическая суть – получение льгот и социальной поддержки для возрождения «новых этносов», но и внутриэтнические проблемы, о которых говорить считается «неприлично». Не случайно административные органы не берут их во внимание, ученые о них не пишут, а народ умалчивает. Между тем проблема этнической номинации имеет очень серьезное не только научное, но и политическое значение. Я имею в виду тот факт, что приобретение статуса «этноса» северными группами происходило как бы «в пику» южным.

Посредством изучения внутриэтнического общения алтайцев, под которым имеются в виду как вербальные, так и невербальные стандарты коммуникации, можно выявить смысл этого явления – в силу каких причин сложившиеся противоречия между южными и северными группами алтайцев привели к выделению «новых этносов». Такая постановка вопроса позволяет определить причины сложения и функционирования взаимных стереотипов этнических групп алтайцев по степени ассимиляции в русскоязычной среде, выработанному типу поведения, особенности внешности, диалекту, локальным отличиям обрядовой и бытовой культуры. Для изучения вопроса была адаптирована методика полевых исследований и научного анализа, как-то: сравнительно-исторический и структурно-функциональный методы, метод этнографического наблюдения и вырабатываемый нами в полевой работе метод опроса на языке изучаемого этноса [2, с. 159–163].

Как правило, под этнонимом «алтайцы» подразумеваются южные группы – алтай-кижи, теленгиты и северные – тубалары, челканцы, кумандинцы, рассе-

ленные в Горном Алтае и представляющие титульный этнос Республики Алтай. Еще российские путешественники XIX в. видели в тюркском населении Русского (Горного) Алтая единую этническую общность. Относительно этнонимов известно, что алтай-кижи назывались калмыками (алтайскими, бийскими, порубежными, горными), теленгиты – двоedanцами (калмыцкими, чуйскими), а северные группы, расселенные в таежном предгорье, – черневыми татарами. Деление алтайцев на «южных» и «северных» было предложено в середине XIX в. миссионером В.И. Вербицким и продолжает сохраняться в историко-этнографической литературе [3, с. 23–28]. На протяжении прошлого века состав этнических групп алтайцев неоднократно корректировался. К примеру, шорцы и телеуты Кемеровской области обособились как отдельные народы, но часть телеутов, переселившаяся в Горный Алтай, ассимилировалась среди алтайцев и получила название «*кокио*» (по первому месту проживания в предгорье), «*байат*» (по территории исхода – долины р. Бачат), «*татап*» (как называли их русские). Кроме того, было определено, что телёсы (*тёлёс*) представляют собой не этническую группу южных алтайцев, а их многочисленный сёок-род.

В связи с тем, что основу алтайского этноса представляет родовая структура, то ключевым вопросом во внутриэтническом общении является вопрос о родовой принадлежности. Каждый из алтайцев с детских лет знает, к какому сёоку (*сёок*) он относится, так как сёок передается по линии отца. Сёок буквально означает «*кость*» и как патрилинейное и экзогамное подразделение соответствует понятию «*род*». Обычно с вопросом «*Сёёгин не?*» («*Каков твой сёок?*») обращается старший или ровесник. Если младший по возрасту в силу каких-либо причин не знает сёок старшего, то может спросить об этом, осторожно обратившись к нему с вопросом: «*Сёёгөр не?*» («*Каков ваш сёок?*»). Суть системы традиционного общения заключается в том, что о родовой принадлежности друг друга знают все в округе – родственники, соседи, знакомые. И если неизвестно, какому роду принадлежит человек, то об этом неприлично спрашивать. Именно поэтому вопрос задают тому, кто данную информацию может знать: «*Кайндый сёоктү не?*» («*Какого (он/она) сёока?*»). Считается неприличным такой вопрос слышать юноше от девушки, что может расцениваться попыткой просчета ею вариантов родовой экзогамии и намеком от нее на брачное предложение.

Родовая принадлежность типизирует не только ситуацию общения, но и конкретизирует коммуникативный статус ее участников. В зависимости от рода каждый выступает в роли родственника или свойственника, старшего или младшего, что налагает соответствующие обязанности в общении друг с другом. Каждый ведет себя с учетом того, к какому роду относятся он и окружающие – к сёоку отца или родственному сёоку (*карындаш сёёк*), сватовскому сёоку (*куда сёёк*) или к сёоку матери (*таай сёёк*). Эти три линии родства, ориентируемые по родовой принадлежности, определяют родственный круг [4, с. 256–258]. Даже незнакомый человек, принадлежащий к одному из сёоков по линии отца или матери, мужа или жены, считается родственником. Без понимания важности принадлежности к сёоку невозможно соблюдение родственных и сватовских отношений, обычаев авункулата (между племянником и дядей по матери), норм родовой экзогамии (запрета брака как внутри сёока-рода, так и между родственными сёоками, что ведет к инцесту и нарушению системы родства). Необходимость учитывать принадлежность к сёоку дает ориентир в достаточно сложных (с точки зрения человека европейской культуры) правилах общения.

Итак, родовая принадлежность выступает основным ориентиром внутриэтнического общения. Традиция учета ее продолжает активно бытовать среди южных групп – алтай-кижи и теленгитов, среди которых до сих пор принято осведомляться об этом. Обычно при знакомстве называют не только имя и фамилию, но и свой сёок и сёок матери. Звучать это может так: «*Сёёгим кыпчак, иркиттен чыккам*» (*Мой сёок «кыпчак», родился(лась) от (матери) сёока «иркит»*). Дело в том, что по названию сёока можно сориентироваться – из каких алтайцев: южных или северных? Кроме того, названия сёоков говорят о принадлежности к конкретной этнотерриториальной группе. Об этом свидетельствуют названия редко встречающихся сёоков, характерных для той или иной этнической группы алтайцев. В том случае, если впервые слышат название сёока, не характерное для данных мест, то обычно говорят «*солун сёёк*». К числу своеобразных сёоков относятся *чарты, байлагас, каал, богускан, модор* у алтай-кижи, *ябак, сагал, могол* – у теленгитов, *комдош, кўзен, жарык* – у тубаларов. Здесь приведены лишь наиболее показательные примеры из полевого архива автора, соотнесенные с опубликованными данными [5, с. 55–59].

В другом случае, когда назван сёок из числа «общих» сёоков, встречающихся среди двух или трех этнических групп, то принято уточнить место проживания (речную долину или район, село). К числу «общих» сёоков относятся – *кыпчак, тёлс, кёёк*, объединяющие алтай-кижи и теленгитов, *очы, тумат, бурут, меркит, мундус* – алтайских телеутов [6,

с. 228–229]. К примеру, сёок *кыпчак* является многочисленным и встречается как среди алтай-кижи, так и теленгитов, поэтому, называя свой сёок, уточняют так: «*Беш-ичинын кыпчактардан*» (из *кыпчаков долины р. Песчаной*) или «*Чуй ичинын кыпчактардан*» (из *кыпчаков долины р. Чуи*). Название речной долины указывает на принадлежность к этнической группе: если из долины р. Песчаной, то значит из группы алтай-кижи, а если проживает по р. Чуе, то из теленгитов. Сегодня территорию проживания продолжают называть не по административному делению, а по традиционному разделению по речным долинам. Такая приверженность объясняется тем, что деление на районы не отвечает этническому составу алтайцев: алтай-кижи долины р. Песчаной (Шебалинского р-на) в этническом и этнокультурном отношении ближе к алтай-кижи Усть-Канского района, а алтай-кижи с. Сугаш (Усть-Коксинского р-на) «по духу» ближе к алтай-кижи долины р. Чарыша (Усть-Канского р-на).

Таким образом, родовая принадлежность позволяет выявить несколько уровней этнического сознания алтайцев. Во-первых, по названию рода можно определить место выхода человека: предгорья Алтая – северные алтайцы, горные районы – южные алтайцы. Во-вторых, можно узнать по редко встречающему сёоку, характерному для той или иной этнотерриториальной группы. В-третьих, в случае уточнения места проживания по речной долине можно соотнести с конкретной этнолокальной подгруппой, названной по реке. Эта традиция наименования была отмечена В.В. Радловым: «Алтайцы так и называют себя алтайцами или по именам рек, на которых живут» [7 с. 128]. Еще до середины XIX в. обычной формой поселения было расселение по логам (*ёёк*) в составе трех–пяти семей. В одной речной долине таких логов могло быть больше десятка. Такая форма поселения алтайцев вызвана тем, что каждая семья имела многочисленный скот и переселялась туда, где были лучшие условия для него. После присоединения алтайцев к России и проведения реформы сокращения скота, обнищавшие скотоводы стали освобождать пастбища и переселяться в села, основанные переселенцами. Тем не менее осознание себя этнической группой по месту традиционного расселения у реки сохраняется до сих пор.

В повседневном внутриэтническом общении алтайцы подразделяют себя по родовой принадлежности и по подгруппам, сосредоточенным по речным долинам. Живущие в одной речной долине осознают себя как единая общность. Регион проживания образует своеобразную территориальную единицу этноса, сосредоточенную вдоль реки. Речная долина осмысливается как этническая, семейно-родовая территория, родной край человека, поэтому не случайно при знакомстве называют не только имя и фа-

милию, свой сёок, но и реку, в долине которой вырос. В этническом сознании группы, так и ее соседей, сложилось название группы по месту локализации, т.е. по названию речной долины. Оно обычно состоит из двух слов: долина р. Урсула называется «Урсул ичи»: под определением «ичи» имеется в виду низина, окаймленная горными хребтами. Расселенная здесь группа так и именуется «Урсул-ичиньин-алтайлары» (алтайцы долины Урсула).

В состав алтай-кижи входят несколько таких подгрупп, так как данная этнотерриториальная группа расселена в бассейне Чарыша, Песчаной, Катуня – в Онгудайском, Усть-Канском, Усть-Коксинском, Шибалинском и Чемальском районах. Так, в Онгудайском районе алтай-кижи делятся на «каракольских» (Каракол-ичиньин – по р. Караколу), «коротинских» (Короты-ичиньин – по р. Короты), «урсульских» (по р. Урсулу), «яломанских» (по р. Большому и Малому Яломану). Алтай-кижи Усть-Канского района состоят из «кан-ябоганских» и «чарышских», Усть-Коксинского района – «абайских» и «оймонских», Шибалинского района – «чергинских» и «бешичинских», названных по реке, протекающей по территории их расселения. В названии «Кадын-ичиньин-алтайлары» имеются в виду алтай-кижи низовьев Катуня Чемальского р-на, хотя эта река протекает по нескольким районам, среди других групп алтайцев. Теленгиты Кош-Агачского района состоят из «чуйских» и «архытских», а Улаганского района – «чульшманских» и «башкаусских».

В историко-этнографической литературе обращает на себя внимание сложившийся стереотип названия отдельных групп алтайцев. Их связывают с административным делением региона по названию района – шибалинцы, онгудайцы и пр., что не всегда соответствует внутреннему делению этноса, о чем было изложено выше, либо называют по этнонимам, данные алтайцам, по сути, со стороны другой культуры, русской по этническому содержанию, с позиций российских чиновников и путешественников. При этом не берется во внимание или искажается в силу слабого представления и игнорирования способов названия групп. К примеру, среди алтайцев считается неприличным при общении с представителями других этнических групп вместо общего этнонима «алтайцы» называть их этнотерриториальные названия – «тубалары», «теленгиты» и пр., этим как бы отделяя от основного ядра этноса и подчеркивая их «чуждость». Можно утверждать, что на протяжении прошлого века выработалось тяготение к единому этнониму «алтайцы». Согласно речевой традиции подбора слов, позволяющей избежать прямого названия, этнические группы именуется по характерным территориально-ландшафтным признакам. Это обстоятельство внутриэтнического общения алтайцев исследователями упускается из виду.

Действительно, деление южных групп алтайцев на алтай-кижи и теленгитов соответствует ландшафтным границам. Теленгиты, как жители высокогорья, так и именуется «*өрбртинин*». Они населяют Чуйскую и Курайскую высокогорные степи, разделенные Семульгинским и Аргутским горными хребтами (Кош-Агачский и Улаганский р-ны). Горный Алтай разнообразен по природно-ландшафтным условиям, в нем юг, как горный край, отличен от севера. Его северная часть, предгорье, покрыта тайгой и охватывает Чойский, Турачакский и Майминский районы. Эта территория северных алтайцев, имеющих общее название, данное южными соседями: «*йыш-кижи*» – «таежный человек», в смысле, «таежные люди, таежники». Другая часть северных алтайцев, сосредоточенная по Бие и впадающих в нее р. Лебедь и притока Байгол (Турачакский р-н), имеет другое общее название «*куу-кижи*» (куу – лебедь), «жители по р. Лебедь» или «лебединцы», согласно принятой классификации – «челканцы». В алтайском языке под этим этнонимом понимается название сёока «чалканду» (шалканду), а понятие «северные алтайцы» и вовсе не употребляется. Вместо него используются описательные определения по месту проживания северных групп, такие как «*йыштын-албаты*» (таежный народ), «*тёмбртинин-улузы*» (люди с низовий рек).

После присоединения Горного Алтая к России во внутриэтническом общении алтайцев появляется главная этносоциальная проблема – степень ассимиляции локальных групп на фоне неизбежной интегрированности их в российское общество. В регион был привнесен иной образ жизни: православный по вероисповеданию и русский по этническому содержанию, который активно распространялся в предгорье, по среднему и нижнему течению рек, где издавна расселялись северные алтайцы. Эти районы благоприятны для занятия земледелием и огородничеством, что явилось не менее важным фактором, предопределившим активную ассимиляцию северных раньше южных алтайцев, расселенных в малодоступной горной части. И именно алтай-кижи как многочисленная группа, в самоназвании которой присутствует слово «Алтай», становится центральной в смысловом этническом значении и географическом отношении. Не случайно в начале прошлого века алтай-кижи стали лидером этноконсолидационного движения, названного бурханизмом и распространившегося в долинах рек Кан, Чарыш, Урсул, Каракол (Усть-Канского и Онгудайского районов). По сути бурханизм явился ответом на политику преобразования уклада жизни алтайцев путем сокращения скота и перевода на оседлый образ жизни с последующей христианизацией [8, с. 40–41].

Основным содержанием алтай-кижи стал этнический стереотип, продолжающий определять акценты внутриэтнического общения и в наши дни. Этностереотип «алтай-кижи» выражает некий образец «ал-

тайского», связанный прежде всего с самосознанием и этнической идентификацией. Смысл его заключается в жестком отборе «истинных, настоящих» алтайцев, не подвергнувшихся ассимиляции в русскоязычной среде. До сих пор считается, что те, кто родом из бурханистских мест, т.е. Онгудайского и Усть-Канского районов, как потомки сторонников «*ак жан-ду*», в смысле бурханистов, являются «настоящими» алтайцами и называются «*су-алтай*». Появление в этнониме определения «настоящий» (в виде частицы «*су*») выражает этап становления этностереотипа «алтай-кижи». И сегодня не каждый может относиться к престижному статусу «настоящих», так как принадлежность к алтай-кижи осознается своего рода заданной планкой, согласно таким установкам, как «*алтай-кижи болорго турзан*» («если хочешь стать алтай-кижи»), «*алтай-кижи онойтпос*» («алтай-кижи так не поступает»), «*алтай-кижиге жарабас*» («алтай-кижи не полагается») и пр. Словом, в представлении алтайцев название «алтай-кижи» имеет глубокий смысл и иную природу, нежели названия других локальных групп, образованных по территориальному или родовому признаку.

Так среди алтай-кижи определялись группы по степени ассимиляции в русскоязычной среде. Одна из таких под названием «*майма-кижи*» была записана А.В. Анохиным в конце 1920-х гг. в «Объяснительной записке к этнографической карте Сибири»: «Маймалары или, как их еще называют русские, майминцы, майма-кижи... являются смесью племен и народов Алтая. Южные алтайцы относят майминцев к тубаларам... сами называют себя по р. Майме – майма-кижи. Они живут в системе рек Майма, Бешпельтир, Куйум и Чапаша... в Майминском и Чемальском аймаках» [9, с. 53–54]. Эта пограничная часть алтай-кижи имела свой родовой состав с характерными сёоками *мундус*, *чапты*, *жарык*, *кергил*, *тонжаан*, *улун*, *жарык*, составляющими родственные пары сёоков среди других групп. В результате того, что майма-кижи проживали по соседству с активно ассимилировавшими северными группами, а именно с тубаларами, то это обстоятельство повлияло на отдаление их от южных алтайцев. Итогом такого обособления явилось то, что от майма-кижи остался этноним в памяти потомков и островок этнической культуры – с. Бельшпертир, оставшийся единственным алтайским селом Чемальского района. С тех пор алтайцев района как пограничных с северными группами объединяют под общим названием «*Кадын-ичинын*» алтайлары» (алтайцы низовий Катунь).

Накопленный мною полевой этнографический материал позволил еще в 1997 г. выделить пять регионов сложившихся стереотипов алтайских групп [10, с. 20–22]. В последнее десятилетие шло уточнение и корректировка их по проблеме внутриэтнического общения, ставшей ключевой темой полученных про-

ектов РГНФ (№98-01-00083а, 00-01-18018е) и РФФИ (№02-06-80311а, 04-06-88004к). В результате было выяснено, что сами названия северных и южных групп выступают своеобразным регулятором общения, так как в них заключена информация об этнокультурных особенностях, по которой «читается» утвердившийся стереотип о родовом составе, внешности, характерном диалекте, этнопсихологическом типе. Этот обобщенный образ дает предварительную информацию о представителе той или иной группы – какого облика, нрава и обычаев, на каком наречии говорит и пр.

Приведу наиболее яркие примеры. Чемальский и Шебалинский районы объединяет смешанное население, в крупных селах большинство русских, а алтайскими, близкими к статусу «су-алтай», являются села Каспа, Шыргайты и Беш-Озёк (Шебалинский р-н). Для алтайцев смешанных сел региона специфическими сёоками являются *комдош*, *мундус*, *тонжаан*, *каал*, *жарык*, *жус*, *чарга*. Для них также характерны языковые особенности: если в других районах говорят «*келбеген*» (не пришел), то здесь при помощи отрицания «*жок*» (нет): «*келген жок*». В физическом типе алтайцев средней Катунь есть своеобразие: овальные лица с высокой переносицей (*суйман*), худощавость (*сырсак*), светлая пигментация (*ак-сары*), светлые волосы (*күргүл*). Алтайцы данного региона, где развернула свою деятельность Алтайская духовная миссия, были крещеными, но в большей степени обрусевшими считались телеуты, бежавшие из Кемеровской области в села Улус-Черга, Верх-Барагаш (Шебалинский р-н) в трудные колхозные годы (1920–1930-е). Они были знатоками в огородничестве, умельцами вязания, вышивки, выпечки снеди. Физический облик телеутов характеризуется своеобразием – светловолосые, белолицые, худощавые, мужчины высокие. Есть особенность в лексиконе – в нем сохранились общетюркские слова: *күнек* (платье), *кажык* (ложка) и др.

В этническом составе телеутов встречаются общие сёоки, составляющие с алтайскими пары: *очы*, *мундус*, *тодош*, что важно для соблюдения экзогамных норм. Потомки таких смешанных браков составляют население сел Актел, Апшукта, Мухор-Черга, Чичке-Черга (Шебалинский р-н). В родословном древе почти каждого алтайца данного региона были телеуты – либо со стороны отца, либо со стороны матери. Выделенные этностереотипы алтайцев – «*кадын ичинын*» алтайлары» и «*кокшо/байат*» определяют своеобразие этнического состава региона и расставляют акценты внутриэтнического общения. При всей значимости центрального этностереотипа «су-алтай» для алтайцев региона присуща активная интегрированность в российское общество. В связи с чем вспоминаются яркие местные личности: видный общественный деятель и известный художник Г.И. Чорос-Гуркин, сёока «чорос» и предки которого из телеутов, один из любимых писателей – Лазарь Кокышев, тубаларско-

го сёока «комдош», первый драматург Павел Кучияк сёока «мундус».

В следующий регион входят алтайцы Усть-Коксинского района, так же как и в первом регионе, проживающие среди большинства русских. На фоне ассимилированных алтайцев выделяются три алтайских села, отдаленные друг от друга – Коромду, Кучерла и Сугаш. В них у каждого дома находится айыл с очагом, в нем основные национальные блюда – напиток «чеген», сыры «курут», «арчы» и пр. Население этих сел свободно владеет родным языком, выступающим постоянным средством общения в семейно-родственной среде. Интонация и манера говорить не отличаются от соседних районов, но, как и в любом языке, здесь обнаруживаются локальные лексические особенности. Если в других регионах «ведро» называют «кёнёк», то здесь «сабат», веник – не «сибирги», а «жалмур»; щепки – не «ок», а «таптал»; а также слово «бичак» (нож) произносят более мягче – «бищак»; и, кроме того, каждую фразу имеют обыкновение заканчивать русским – нарспев, «но». По этностереотипу «оймон ичинин» алтайлары» алтайцы Усть-Коксинского района относятся к алтай-кижи и характеризуются этнокультурным единством с соседними группами алтайцев: теленгитами р. Чуи и алтай-кижи горного хребта Аргут (*Аркыт*) Кош-Агачского района, алтай-кижи Инегена Онгудайского района, долины Ябогана и р. Чарыша Усть-Канского р-на.

В среде алтайцев звучит твердое убеждение о своей этнической «мягкости» и склонности к этнокультурному влиянию в иноэтнической среде. Такая позиция, вероятно, возникла не сразу, а в результате наблюдения на протяжении не одного столетия. Так, на очередном республиканском празднике «Эл-ойын» во время музыкального представления алтайской делегации Усть-Коксинского района в среде зрителей раздалось критическое «*жаржактар*» (в смысле «кержаки»), с намеком на то, что выступающие подвергнуты влиянию культуры старообрядцев, живущих рядом. Другой пример: нередко приходилось слышать сведения об этнокультурных отличиях, наблюдаемых у других групп алтайцев. Так, в с. Шыргайты (Шебалинский р-н) наши информаторы рассказывали о своем опыте сватовства в Кош-Агачском районе, объясняя обрядовые несоответствия тех мест влиянием культуры казахов, живущих по соседству. При этом теленгитов называли «казахами», тем самым отчуждая их от «настоящих» алтайцев, каковыми считают себя. С другой стороны, такую критическую позицию можно считать одним из способов сохранения этноса и его самосознания в условиях иноэтнического окружения.

К третьему региону относятся Улаганский и Кош-Агачский районы, где расселена этнотерриториальная группа теленгитов. В Улаганском районе население не смешанное, а алтайское, среди них типичными сёоками являются *сагал*, *жабак*, *жетитас*. Этностереотип

«улаганнын» телен-итери» (улаганские теленгиты) характеризует светлых, говорящих на напевном диалекте, крещеных, причем традиционные верования сочетаются с православием, «склонных к пьянству и буйству», поэтому среди мужчин продолжительность жизни невысока. В Кош-Агачском районе теленгиты живут по соседству с казахами, предки которых во второй половине XIX в. переселились из Северо-Восточного Казахстана. Этностереотип «чуйдын» телен-итери» обозначает сдержанных, смуглых, принадлежащих к теленгитским сёокам *кёбёк*, *алмат*, *могол*. У теленгитов сложилось надменное отношение к остальным алтайцам в прозвище их «*тёмёртинин*» (с нижних районов), имея в виду совместное проживание с русскими и обрусение. В этом была реальная историческая основа: теленгиты на столетие позже, чем остальные алтайцы, вошли в состав России, а были в положении двоеданцев, выплачивая дань и России, и Китаю. Их предки помогали Амыр-саане в борьбе за престол Джунгарии, надеясь на возрождение этого государства, в состав которого алтайцы входили до России (1756 г.).

В четвертый регион входят Онгудайский и Усть-Канский районы, где расселена многочисленная группа южных алтайцев – алтай-кижи основных сёоков *майман*, *тодош*, *тёлёс*, *кытчак*, *иркит*, основавшая этностереотип «су-алтай». Характерным является то, что родовые места для сборов членов сёока находятся в Онгудайском районе. По этнопсихологическим характеристикам онгудайские алтайцы отличаются от усть-канских. Издавна для алтай-кижи долины р. Каракола и Урсула были важны идеология общества, его высокая мораль и нравственность, качество воспитания по традиционным канонам. Диалект алтай-кижи данного региона положен в основу литературного алтайского языка, хотя просветительство под эгидой Духовной миссии начиналось с телеутского и тубаларского диалектов. Большинство писателей, докторов и кандидатов наук вышли из Онгудайского района. Бытует мнение, что онгудайцы по складу мышления в основном гуманитарного направления, а устьканцы – коммерческого, так как среди них больше юристов, экономистов, чиновников. Среди алтайцев говорят, что в Усть-Канском районе невесты дорогие – приходится сватать в сорока домах, ценят богатое приданое.

Следует отметить, что существует общая черта, характерная для всех регионов. В каждом из них есть райцентр, крупные села, в котором основное население русское. Несмотря на длительный период проживания на одной территории, русские и алтайцы остаются отдельными самостоятельными народами. И тем не менее между этими народами возникли пограничные группы алтайцев, ориентированных на русское влияние. Выпадают из внутриэтнического общения так называемые «городские» – дети интеллигенции, элиты, не владеющие родным языком, хотя

их родители свободно говорят по-алтайски. Алтайцы, живущие в смешанных селах, чаще не владеют родным языком, либо понимают, но не говорят, либо говорят на разговорном языке. Их называют «орусып калган» – «обрусевшими». У таких алтайцев наблюдается отсутствие желания знать родной язык, соблюдать традиции, заключение смешанного брака. Среди них встречаются пассивно ассимилированные, стремящиеся овладеть родным языком, сохранить свою этническую принадлежность, заключая брак с владеющим родным языком, и гордиться тем, что дети говорят по-алтайски. Но, несмотря на это, их считают обрусевшими и прозывают «туба» или «тубасып калган» в смысле «стал туба».

Этот негативный стереотип «туба» выступает антиподом «алтай-кижи», находящимся на другой чаше весов «этнической истинности». Его название происходит от этнонима «туба» (во множественном числе «тубалар»), означающим пограничную с алтай-кижи группу, расселенную на территории части Чойского, Майминского и Чемальского районов. В силу географического положения тубалары первыми из алтайцев были интегрированы в российскую среду и испытали последствия русского влияния – исчезло родовое управление, их общество трансформировалось, изменился быт. Миссионеры использовали крещеных тубаларов в качестве проводников в горные районы и проповедников христианства среди алтайцев. Не случайно Алтайская духовная миссия избрала североалтайский диалект в качестве письменного языка алтайцев. Первая интеллигенция сформировалась из представителей северных групп, имена которых составляют гордость национальной культуры алтайцев – сказитель Н. Улагашев, династия просветителей и художников Чевалковых.

Этностереотип «туба» охватывает обрусевших алтайцев, проживающих в районах с преобладающим русским населением. Первоначально этот стереотип распространился на северных алтайцев – челканцев, кумандинцев, затем на алтай-кижи нижнего течения Катунь – Шебалинского и Чемальского районов, а также на телеутов, переселившихся сюда из Кемеровской области. Для южных алтайцев яркий представитель из тубаларов имеет образ таежника, живущего за счет даров тайги, с отчаявшимся нравом. С другой стороны, образ туба выступал посредником русского прогрессивного образа жизни. В советское время некоторые из северных алтайцев, шумливые, склонные командовать и указывать по пустякам, становились активными партийными деятелями. Как правило, туба состояли в смешанных браках (мужчины-туба брали жен из русских), а потомки от смешанного брака не желали быть тубаларами.

В результате активной ассимиляции северных алтайцев произошла утрата этнического «я», что привело к депопуляции и социальной деградации.

В силу специфики алтайского менталитета – не противодействовать и быть по течению обстоятельств, под воздействием группового стресса – среди обрусевших алтайцев наблюдается добровольное отторжение от своего этноса и склонность раствориться в другом народе. Новое поколение тубаларов стеснялось звучания родного языка, особенно в общественных местах, так как знать его было не престижно. Каждый из «неправильных» алтайцев ощущает себя маргиналом и испытывает чувство промежуточного состояния – он находится между двумя этносами, не принимающими его: русскими – как человека другого этнического происхождения, иной внешности, хотя и говорящего лишь по-русски; алтайцами – как человека, находящегося под влиянием соседнего народа. С одной стороны, традиционное общество алтайцев давно встало на путь неизбежной модернизации в виде русификации и европеизации, усвоения этнически нейтральных ценностей и стандартов поведения, а с другой – происходит укрепление самосознания и сохранение традиционной культуры.

Таким образом, северные алтайцы оказались включенными в сложные процессы интеграции в российское государство, а как следствие – в процессы христианизации, которые, как известно, заключались не только в смене вероисповедания, но в целом комплексе социальных и культурных практик, таких как образовательная политика, формирование новых поселений и т.д. Испытав первыми наиболее сильное влияние православия, северные алтайцы в своем южном этническом окружении предстали как маргиналы. И здесь, мне кажется, справедливым утверждать, что за время как внутриэтнического, так и межэтнического диалога был сформирован своего рода модальный образ истинного алтайца, т.е. одна из групп алтайцев (алтай-кижи) рассматривается остальными и позиционирует себя сама как истинная, менее всего подвергнувшаяся русскому влиянию и сохранившая традиции.

Это предположение проистекает из моего полевого материала и моих этнографических наблюдений. Об этом явлении – противопоставлении этностереотипов «алтай-кижи» и «туба» – нет опубликованных сведений. Вместе с этим существует достаточное количество противников данной точки зрения. Так, Л.И. Шерстова считает, что изучение образа «истинного» алтай-кижи есть «стремление представить свой народ как «правильный», базовый для остальных народов Алтая» [11 с. 198]. Другой крупный ученый И.В. Октябрьская, как этнограф, усматривает в изучении сложившихся этнических стереотипов алтайцев «официально ангажированную национальную интеллигенцию», которая «на академическом уровне декларировала идею внутриэтнической иерархии» [12 с. 464].

Казалось бы, что жесткий отбор ассимилировавшихся внутри этноса, тем более малочисленного,

может грозить его количественным уменьшением. Деление на группы и выделение при этом «ядра» этноса известно многим народам. Из этнической истории русских известно, что появление среди них «кержаков» связано с борьбой за староверие; у киргизов «сартами» называются южные киргизы, живущие по соседству с ираноязычными таджиками и занимающиеся торговлей; у казахов «калмаками» считают тех, кто подвергся влиянию монгольской культуры, а у монголов «урялхай» – это их отюркизированная часть. Таких

примеров обособления групп внутри этноса можно привести еще немало.

Разобшенность южных и северных алтайцев в виде полярных этностереотипов «алтай-кижи – туба» объясняется степенью русского влияния. Значительную роль при этом играет этническое самосознание людей, составляющих единый алтайский этнос, как их взаимная идентификация, так и различие от других подобных групп в форме антитезы «мы»–«они».

Библиографический список

1. Функ, Д.А. Алтайцы / Д.А. Функ, Л.И. Шерстова // Тюркские народы Сибири. – М., 2006.
2. Тадина, Н.А. О методике сбора этнографического материала на языке изучаемого этноса / Н.А. Тадина // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае. 2006 г.: Археология, этнография, устная история. – Барнаул, 2007.
3. Вербицкий, В.И. Алтайские инородцы / В.И. Вербицкий. – М., 1893.
4. Тадина, Н.А. Три линии родства и авункулат у алтайцев / Н.А. Тадина // Алгебра родства. Родство. Системы родства. Системы терминов родства. – СПб., 2005.
5. Кыдыева В.Я. Названия и самоназвания алтайцев в работах исследователей (середина XIX – XX вв.) / В.Я. Кыдыева // Немецкие исследователи на Алтае. – Горно-Алтайск, 2007.
6. Екеев, В.Н. Об алтайских этнотерриториальных группах XIX – начала XX вв. (алтай-кижи, чуй-кижи, баят-кижи) / В.Н. Екеев // Алтай и Центральная Азия: культурно-историческая преемственность. – Горно-Алтайск, 1999.
7. Радлов, В.В. Из Сибири / В.В. Радлов. – М., 1989.
8. Тадина, Н.А. Этническая консолидация и преемственность поколений в осмыслении бурханизма / Н.А. Тадина // Этнографическое обозрение. – 2005. – №4.
9. Анохин, А.В. Объяснительная записка к этнографической карте Сибири / А.В. Анохин. – Л., 1929.
10. Тадина, Н.А. Россия и Горный Алтай – 240 лет: проблема взаимодействий этнопсихологических стереотипов / Н.А. Тадина // Россия и Восток: традиционная культура, этнокультурные и этносоциальные процессы. – Омск, 1997.
11. Шерстова, Л.И. Тюрки Алтая в поисках идентичности в конце XIX – начале XX вв. / Л.И. Шерстова // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 2005. – Т. XI, ч. 2.
12. Октябрьская, И.В. Коренные малочисленные народы Республики Алтай на пороге XXI века: проблема этнической идентичности / И.В. Октябрьская, А.Б. Озонова и др. // Российская Западная Сибирь – Центральная Азия: новая реальная идентичность, экономика и безопасность. Барнаул, 2003.